

ПЕЩЕРЫ В КАТАКОМБНОМ ДВИЖЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОДОНЬЯ И ПОВОЛЖЬЯ В 1920–1940-Е ГОДЫ

© 2018

Степкин Виталий Викторович, кандидат исторических наук, учитель истории

Павловская средняя общеобразовательная школа

(г. Павловск, Воронежская область, Российская Федерация)

Гунько Алексей Александрович, заведующий лабораторией спелестологии

и истории горного дела Прикамья

Набережночелнинский государственный педагогический университет

(г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье рассматривается история создания и использования пещерного пространства в катакомбном движении Русской православной церкви на территории Подонья и Поволжья в 1920–40-е гг. Развитию пещерничества на этих территориях способствовал фактор их фронтированности, позволяющий искать здесь «убежище для своих идей, отличающихся от мейнстримного общества». Использование пещер в качестве убежищ и мест отправления религиозного культа в Подонье рассматривается на примере территории Воронежской области, где в послереволюционное время были вырублены в меловой толще пещеры у с. Караяшник, а также использовались традиционно такие почитаемые в народной среде локусы сакрального пространства, как Дивногорские и Шатрищегорские пещеры. Пещеры у с. Караяшник использовались в качестве места моления консервативно настроенной части крестьянства, являющейся сторонником как патриаршей церкви, так и секты федоровцев. Дивногорские пещеры использовались сектой иоаннитов, Шатрищегорские – представителями так называемой Истинно-православной церкви. Помимо меловых пещер в Подонье в качестве тайных мест совершения культа использовались подземелья, созданные под жилыми домами. Примером таких подземелий могут служить тайники-пещеры в с. Троицком и с. Новопокровка, оборудованные одной из общин так называемых истинно-православных христиан. Использование пещер в катакомбном движении в Поволжье рассматривается в статье на примере территории республики Татарстан, где действовали общины Истинно-православной церкви, создавая культовые подземелья под домами в городе Бугульма и селах Аккиреево, Забугоровка, Крым-Сарай, Наумовка, Новое Ильмово. Помимо территории личных усадеб, культовые пещеры создавались и за пределами сел, как правило, в лесной зоне. Так, у с. Новошешминск существовал подземный монастырь, у с. Волчья Слобода и с. Елантово – подземные храмы. Деятельность упоминаемых в статье подпольных религиозных общин была прекращена вследствие репрессивных государственных мероприятий.

Ключевые слова: пещеры; Русская православная церковь; катакомбное движение; Истинно-православная церковь; истинно-православные христиане; буювцы; федоровцы; иоанниты; Подонье; Поволжье; фронтир; с. Караяшник; урочище Дивногорье; урочище Шатрище; с. Волчья Слобода; с. Елантово; с. Новошешминское.

Целью данного исследования является рассмотрение истории использования пещерного пространства в катакомбном движении на территории Подонья и Поволжья в 1920–40-е гг. Термин «катакомбное движение» является собирательным, отражая обширный спектр «нелегальных православных общин, находившихся в оппозиции к советской власти, а зачастую и к священноначалию Русской православной церкви Московского патриархата» [1]. Появление данного термина связано с возникшей в послереволюционное время ассоциацией между гонениями на церковь в советских республиках с гонениями на ранних христиан, которые втайне собирались на свои богослужения на подземных кладбищах римских городов (лат. *Catacumba* – «подземная гробница») [2, с. 9]. Первые нелегальные общины возникли в Центральном Черноземье в ходе крестьянских выступлений во время Гражданской войны и появившегося движения обновленчества. Разрушение традиционного уклада крестьянского мира продуцировало всплеск эсхатологических ожиданий и появление таких сект, как федоровцы, иоанниты, стефановцы и др. После «Декларации» 1927 г. о лояльности к советской власти, изданной Высшим управлением РПЦ, катакомбное движение выходит на новый уровень, включая в свой состав различные группы, аккумулирующиеся вокруг архиереев, не поминающих за богослужением государственные власти, и заме-

стителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Наиболее многочисленной среди течений «непоминающих» была «иосифлянская группа, названная по имени ее руководителя – митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых), который в начале 1928 г. для обозначения участников движения ввел определение Истинно-православной церкви (ИПЦ) <...> Важную роль в создании катакомбного движения сыграл епископ Андрей (Ухтомский), рукоположивший более 10 тайных архиереев. Именно он ввел в широкое употребление для обозначения верующих, сознательно ушедших в 1920-е годы в катакомбы, существовавший и ранее термин «истинно-православные христиане» (ИПХ)» [1].

Надо заметить, что к моменту возникновения катакомбного движения в рамках советских гонений на церковь регионы Подонья и Поволжья уже имели богатую традицию развития пещерничества как особой культовой формы народной религиозности, гонимой в рамках синодального православия [3–5]. Так, например, только на территории лесостепного Придонья насчитывалось около шестидесяти культовых пещер, созданных в XVII–XIX вв. [6]. Распространению в Подонье и Поволжье народного пещерокопательства способствовал фактор фронтированности данных территорий. Донской фронтир – как переходная пограничная зона русско-украинского культурного взаимодействия [7; 8] и как зона соприкосновения ка-

защитой вольности с вертикалью российской государственности [9; 10]. Волжский фронт – как территория контактной зоны разных народов, где «русская речь перемежалась татарской, калмыцкой, черкесской, украинской или персидской» [11, с. 44]. Общая характеристика фронтальных территорий ярко дана С.Н. Якушенковым: «Фронт не только порождает утопическое видение мира, но и притягивает множество людей, стремящихся к созданию здесь нового общества или найти в отдельных землях убежище для своих идей, отличающихся от мейнстримного общества. Именно на фронтальные территории устремляются всевозможные проповедники и сектанты, пытающиеся на новых землях воплотить свою мечту <...> поиска «земли обетованной» для воплощения своих идеалов» [12, с. 295].

Рассмотрим в Подонье использование подземного пространства в катакомбном движении на примере территории Воронежской области (входила в состав Центрально-Черноземной области (ЦЧО) с 1928 по 1934 гг.), где процесс пещерокопания традиционно был развит особенно интенсивно в рамках народной православной традиции. В 20–40-е гг. XX в. использование подземного пространства здесь в культовых целях приобретает особую актуальность в контексте развивающегося тоталитаризма. При этом пещеры, на фоне массового закрытия наземных храмов, становятся зачастую единственным местом религиозного культа для различных течений в русской православной церкви и сект. В Воронежском крае в это время существуют религиозные общины, поддерживающие патриарха Тихона – «тихоновцы», а затем, после его смерти, Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского); обновленческие общины так называемой «Живой церкви» – «живоцерковники»; общины, поддерживающие воронежского епископа Алексея (Буй) – «буйевцы», примкнувшего в начале 1928 г. к «иосифлянскому» течению в патриаршей церкви. В феврале-марте 1930 г. «ОГПУ сфабриковало грандиозное дело церковно-монархической организации «буйевцы», по которому в ходе следствия проходило 492 человека» [13, с. 328]. Многие из них получили реальные сроки заключения, 12 человек были приговорены к расстрелу. Также в Подонье активно действовали секты «федоровцев» и «иоаннитов». Федоровцы получили название по имени своего основателя Федора Рыбалкина, который на фоне гонений на церковь, коллективизации и обновленчества начал произносить эсхатологические проповеди, говоря о пришествии в мир антихриста и новом воплощении Христа в своем лице. Несмотря на арест Рыбалкина в 1926 г., секта продолжила существование [13, с. 335; 14, с. 564–585; 15, с. 128–131]. Иоанниты получили название по имени особо почитаемого ими св. Иоанна Кронштадского (Сергиева).

На фоне столь широкой дифференциации религиозного спектра в Воронежском крае показателен синкретизм использования подземного пространства на примере пещеры у села Караяшник [16]. Обновленческий «архиепископ» Григорий Орлов, в ведении которого находилась Россошанская епархия с данным подземельем, так характеризовал в 1935 г. религиозную ситуацию в своем ведомстве: «Трудно иногда определить, где мы имеем дело с тихоновцами, а где с федоровцами, где с легальными тихоновцами, а где с нелегальными буйевцами. Так много у

них иногда точек соприкосновения, например у россошанских, новокалитвянских, кантимировских тихоновцев и проч. В сл. Жилиной Бербенцов Ив. Мак. как будто тихоновец, но рассуждает по-федоровски: "Вот сказано, восстанут лжепророки, не ходите во след их, будет антихрист, 2-е пришествие. Теперь и восстал антихрист, "народылся", загоняют в колхозы, а обновленцы им поддакивают"» [17, л. 68 об.]. При этом консервативно настроенное крестьянское население в районах, где преобладали обновленческие храмы, считало, что «истинные священники теперь страдают где-то далеко, церкви Христовой же теперь нет, обновленцы не имеют благодати и проч.» [17, л. 68 об.]. В этих условиях, по словам Григория Орлова, стали развиваться так называемые «хатничество» и «пещерничество». В своем отчете он писал: «В Ольховатском районе, по сообщению нашего священника Ф. Путилина из сл. Копанной 2-й, федоровцы-тихоновцы устроили пещеру в меловых горах около слоб. Караяшник и здесь собирались, пели, молились, читали, беседовали и проч. Основательницами этой группы были чернички, которые и жили в пещере. Им приносили деньги, продукты их единомышленники. Пещера состояла из 2 комнат: в 1-й комнате молились, во 2-й жили чернички. Пещера вся была уставлена иконами, горели "неугасимые" лампы и проч. Зимой эту пещеру милиция завалила, иконы и все имущество было вывезено. Чернички разбежались» [17, л. 69–69 об.].

Представители катакомбного движения в воронежском крае не только создавали новые культовые пещеры-укрытия, как это мы увидели на примере пещеры у с. Караяшник, но и использовали старые, хорошо известные и почитаемые в народе подземелья Дивногорья. В «Докладе ПП ОГПУ по ЦЧО о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах, ликвидированных в 1930 г.» фигурирует контрреволюционная организация «Иоаннитов» [18]. Ее основатель, житель с. Ново-Покровское Лискинского района Константин Петрович Глухов, «стал ходить по соседним селам: Ст. Покровка, Залужное, Песковатка, Н. Икорец с проповедью о Боге, <...> убедив своих последователей, что теперь истинно православных церквей нет, что нужно идти по стопам Иоанна Кронштадского, особого избранника божьего, бороться за православную веру, помазанныка божия и вести монашеский образ жизни. Одновременно с этим Глухов среди своих последователей повел подкрепляемую Священным писанием и изречениями из книг Иоанна Кронштадского агитацию о появившемся на свет антихристе в лице Ленина, <...> советской власти и всех ее мероприятиях как антихристовых и т.д.» [18]. Глухов собирал своих последователей не только в частных домах, «но и в пещерах под Дивногорским монастырем: приобрел лодку и переезжал на ней по Дону к пещерам, где вел антисоветскую работу» [18]. 19 января 1930 г. иоанниты в количестве 44 человек были арестованы, их лидеры в скором времени – расстреляны, а рядовые члены отправлены в концлагерь.

В Бобровском районе ЦЧО в 1932 г. органы ОГПУ начали дело о «церковно-монархической организации Истинно православная церковь – Пещерники», которая ушла в подполье после репрессий по отношению к «буйевцам» [19, с. 243–244]. По делу «Истинной православной церкви – Пещерников»

проходило 26 человек. Ее членами являлись граждане сел Коршево, В. Игорец, Песковатка, Азовка и Чукановка [20, л. 342]. Они собирались «на ночных нелегальных сборищах в Шатрицких пещерах» под руководством «Пшеничного Федора Андреевича и бродячего старца Умникова Харитона Васильевича» [20, л. 346]. Здесь ими для пещерной церкви был специально сделан «передвижной большой престол», молитвы за которым возносились в ночное время [20, л. 347]. Пещерникам вменялось в вину «использование религиозных предрассудков темных масс и объединение недовольного к-р элемента <...>, подготовка и организация масс к повстанческому движению с конечной целью свержения советской власти и восстановление монархического строя <...>» [20, л. 343].

Надо заметить, что массовые репрессии 1930-х гг. фактически сделали невозможным использование пещерного пространства церковными нелегалами в Подонье вне территории своего личного хозяйства. Чтобы избежать ареста, необходимо было до минимума снизить количество контактов с внешним миром, оборудуя пещерное пространство под домом. Впрочем, это также не гарантировало полную безопасность, судя по материалам следственных дел. Так, одна из сектантских общин ИПХ разрабатывалась в конце 40-х гг. XX в. органами госбезопасности на территории Новохоперского и Елань-Коленского районов Воронежской области. По результатам оперативной разработки было возбуждено уголовное дело «по обвинению Маклакова М.М., Рубцовой А.Ф., Щербакова П.П., Заикина П.С., Ламзина В.Г., Щербаковой Д.И.» [21]. 23 апреля 1949 г. в с. Троицком Новохоперского района органами МГБ были извлечены из тайника-пещеры, расположенной под полом жилого дома, М.М. Маклаков и его жена – М.А. Маклакова. Их сын был арестован в с. Новопокровка Елань-Коленского района в похожем тайнике, оборудованном под домом П.П. Щербакова, где «была устроена подземная церковь» [21, л. 103]. На допросе Щербаков показал, что он «в 38 г. <...> в силу своих религиозных убеждений уклонился от переписи населения, за что Народным судом Елань-Коленского района был осужден на 6 мес. ИТР и, не желая отбывать срок наказания, <...> перешел на нелегальное положение и стал скрываться от представителей Советской власти, вырыл у себя дома под хатой пещеру, где и стал проживать на нелегальном положении и проживал в этой пещере по день <...> ареста органами МГБ, т.е. до февраля месяца 1949 г.» [21, л. 144]. Здесь он оборудовал и подземную церковь, и здесь родилась его дочь, которая со дня своего рождения в течение семи лет не видела солнечного света [21, л. 103, 186].

Проанализировав использование пещер в катакомбном движении Подонья в 1920–40-е гг. на примере Воронежского края, рассмотрим аналогичный процесс в Поволжье в рамках республики Татарстан. Выбор территории последнего в качестве региона рассмотрения мотивирован как его спелестологической изученностью, так и значительностью распространения здесь подпольных религиозных организаций. Последнее было связано отчасти с тем, что в 1920 г. в состав образованной Татарской АССР вошел Мензелинский уезд Уфимской губернии, епархию в которой возглавлял один из лидеров ката-

комбного движения архиепископ Андрей (Ухтомский). Говоря об истории формирования церковного подполья в Поволжье, обратимся прежде всего к материалам «Обвинительного заключения по делу № 3200 о контрреволюционной монархической организации филиала контрреволюционного центра «Истинно-православной церкви»» в Татарской АССР» [22]. Согласно ему, в 1932 г. органы ОГПУ вскрыли и ликвидировали филиал Всесоюзного центра ИПЦ во главе с митрополитом Иосифом (Петровых), архиепископами Дмитрием (Гдовским) и Андреем (Ухтомским). В пределах Татарской республики филиал, образовавшийся в 1927 г., возглавляли священники Н.А. Модестов и М.Ф. Минюков. В него входило 8 активно действующих ячеек и 5 подпольных церквей, которые «сооружались под полом в деревенских домах и на окраинах деревень в виде пещер» [22]. ИПЦ в Татарской АССР ставилась в вину «борьба с советской властью всеми средствами за реставрацию монархического строя» [22]. Всего по делу было привлечено к суду 45 человек.

Священник Николай Модестов, сторонник архиепископа Андрея (Ухтомского), в 1920-е гг. вместе с матерью выкопал под собственным домом в с. Наумовка (тогда Бугурусланский район Средне-Волжского края) целый подземный комплекс, включавший в себя тайную церковь, ход сообщения с домом и погребальные камеры. Комплекс был обнаружен лишь в 1930 г. после изъятия дома государством. Сам Модестов перед арестом успел сбежать в г. Бугульму, где прежде служил священником в 1924–1925 гг. Там под домом монашек Праведниковых он стал проводить службы в созданной им подземной церкви. Затем о. Николай переехал в пригород Бугульмы – д. Забугоровку, к «активной церкви-фанатичке Ишковой Марии, где, соорудивши при помощи Ишковой Марии и других, еще ранее завербованных им в контрреволюционную организацию «ИПЦ», подпольную церковь в виде пещеры под домом Ишковой, повел отсюда активное руководство антисоветскими настроенными церковниками...» [22]. При участии Модестова появились также: подземная церковь в с. Крым-Сарай (ныне Бугульминский р-н РТ), где, по некоторым данным, действовал нелегальный женский монастырь во главе с монахом Петром Костиным; келья-церковь в с. Новое Ильмово (ныне Черемшанский р-н РТ), где служил монах Ф. Тимофеев; подземная церковь в с. Аккиреево (ныне Черемшанский р-н РТ), в доме «религиозной фанатички» Н. Базановой. Модестов вел активную пропаганду среди последователей, ездил по районам Закамья, создал целую «агентурную сеть», которая информировала людей о приезде священника. В мае 1932 г. во время облавы в Забугоровке его арестовали прямо в подполье. В 1933 г. Николай Модестов был приговорен по групповому делу ИПЦ к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь, где был расстрелян в 1938 г.

ИПЦ в Татарской АССР удалось создать и нелегальный монастырь, располагавшийся рядом с Новошешминск. Его история была связана с деятельностью иеромонаха Питирима (Атландерова), который еще во время Первой мировой войны, до своего пострига, в нескольких верстах от с. Новошешминск в овраге Крутик выкопал себе пещеру для жилья и молитвы. К нему стал стекаться народ из соседних сел и районов, особенно в послереволюционное время.

Во время церковных неурядиц, последовавших после 1927 г., он устанавливает контакты с викарием Уфимской епархии Аввакумом (Боровковым), соратником архиепископа Андрея (Ухтомского), принимает монашеский постриг и при пещерах создает нелегальный монастырь, состоящий из нескольких монахинь и послушниц. «Летом 1930 года, ночью, неизвестные лица вошли в пещеру, разложили в ней огонь и закрыли выходные отверстия. Вследствие чего находившиеся в пещере Атландеров Петр и Чекменева Екатерина от угара умерли, а Чекменева Мария и Ефремова Оксинья остались живы» [23, с. 697]. Старожилы Новошешминска хорошо помнят эту историю и уверенно указывают место в овраге, где располагался монастырь Питирима. По их словам, в 1940–1950-х гг., в период активной борьбы с ИПЦ, входы под землю были уничтожены властями, чтобы не допустить возобновления паломничества.

Недалеко от Новошешминска в с. Волчьей Слободы существовала подземная церковь, вырытая под руководством тайного священника Павла Мишукова, рукоположенного также епископом Аввакумом (Боровковым). Еще в 1929 г. под домом Мишукова в потайной пещерной келье-молельне скрывался некоторое время иеромонах Питирим (Атландеров). В 1931 г. о. Павел Мишуков был арестован и выслан с семьей в г. Магнитогорск, а в доме его было обнаружено подземное помещение – «молельня, вместимостью на 15 человек и ряд церковных принадлежностей (риза, кадило и др.)» [23, с. 698]. Позднее, перед началом войны, на расстоянии 2 км от Волчьей Слободы, в лесу верующие выкопали подземную церковь шириной 2,5 м, длиной 3 м, высотой 2 м. От поверхности свод отделяла насыпь мощностью 0,75 м. Из церкви имелось два подземных лаза длиной по 6 м, шириной 0,8 м, высотой 1 м. Один лаз выводил на поверхность, другой – приводил к потайному колодцу. В декабре 1940 г. церковь была обнаружена властями.

В 1943 г. «на территории Шереметьевского, Ямашевского и Аксубаевского районов Татарской АССР была создана священником, проживавшим на нелегальном положении Ершовым М.В. <...> организация Истинно-Православная Церковь (ИПЦ)» [23, с. 702]. Михаилом Ершовым и его последователем Григорием Русаковым в это же время у с. Елантово (ныне Нижнекамский район республики Татарстан) в лесу был создан подземный храм, вокруг строительства которого сформировалась община около 40 человек. В период облавы, проведенной в сентябре 1943 г., он был обнаружен недостроенным в виде большой ямы площадью 24 м², глубиной 2 м, перекрытой жердями [23, с. 130].

Анализируя архивные материалы, литературные источники и полевые наблюдения, мы приходим к выводу об активном использовании пещерного пространства в культовых целях представителями катакомбного движения в Подонье и Поволжье. При этом надо заметить, что властям в 1920–40-е гг. удалось вскрыть не всё религиозное подполье. Некоторые подземные убежища, молельни и храмы так и остались невыявленными. Они посещались и во второй половине XX в. Сегодня на их месте отмечаются лишь поверхностные следы некогда активной деятельности: кресты, ограды тайных захоронений, полусгнившие столы и навесы, провалы в грунте.

Список литературы:

1. Шкаровский М.В. Катакомбное движение // Большая российская энциклопедия. Т. 13. М.: Большая российская энциклопедия, 2009. С. 308–309.
2. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Арфа, 2008. 352 с.
3. Никольский П.В. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. // Воронежская Старина. Вып. 9. Воронеж: Издание Воронежского Церковного Историко-археологического Комитета, 1910. С. 149–181.
4. Полева Ю.В. История традиции пещерного подвижничества в Нижнем Поволжье и Подонье. Волгоград: ВГАФК, 2007. 129 с.
5. Канатьева Н.С. Сектанство на Нижневолжском фронтире в XIX веке: секта пещерокопателей // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 1. С. 22–32.
6. Степкин В.В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Придонье // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 141–150.
7. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988. 251 с.
8. Пастюк А.В. Фронтиры культурно-цивилизационной идентичности приграничных регионов России и Украины // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4–2 (111). С. 436–440.
9. Никитин Д.В. Изменение границ Донской области в XVIII–XX вв. // Краеведческие записки. Вып. 9: сб. науч. тр. Ростов-на-Дону: NB, 2009. С. 5–16.
10. Канищев В.В., Баранова Е.В. Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX вв. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 178–186.
11. Романова А.П., Якушенков С.Н., Хлыщева Е.В., Васильев Д.В., Якушенкова О.С., Якушенкова О.С., Кусмидинова М.Х., Топчиев М.С. Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2014. 236 с.
12. Якушенков С.Н. Фронт как культурная парадигма. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 288–298.
13. Шкаровский М.В. Истинно-православные в Воронежской епархии // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 19. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1996. С. 320–356.
14. Петров С. История Воронежской епархии от ее учреждения до 1960-х гг. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011. 644 с.
15. Ряполов В.Н. Секта «федоровцев» – сто лет в одиночестве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5–1. С. 128–131.
16. Степкин В.В. Пещерничество у слободы Караяшник Воронежской области: в лабиринтах духовной жизни 20–30-х годов XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 4. С. 114–122.
17. Воронежское областное митрополитанское церковное управление. Отчеты и клировые ведомости разных церквей Воронежской епархии // Государственный архив Воронежской области (ГАВО), Ф. Р-2565. Оп. 1. Д. 11.

18. Доклад ПП ОГПУ по ЦЧО о контрреволюционных церковных и сектантских организациях и группах, ликвидированных ПП ОГПУ по ЦЧО в 1930 г. 15 октября 1930 г. // ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 530. Л. 1–87.

19. Кузин К.И. К истории движения «Истинно-православных христиан» в Центральном Черноземье в конце 1920-х – 1960-е гг. // История российской духовности: материалы Двадцать второй всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2001. С. 243–245.

20. Дело по обвинению Черникова Бориса Сергеевича и др. // Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 9353, Оп. 2, Д. П-18214. Т. 1.

21. Дело по обвинению Маклакова М.М., Рубцовой А.Ф., Щербакова П.П., Заикина П.С., Ламзина В.Г., Щербаковой Д.И. по ст 58–10 ч. 2 и 58–11 УК РСФСР // ГАОПИВО. Ф. 9353, Оп. 2, Д. -26440.

22. Обвинительное заключение по делу № 3200 о контрреволюционной монархической организации филиала контрреволюционного центра «Истинно-православной церкви» в Татарской АССР [Электронный ресурс] // Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. – http://histor-ipt-kt.org/DOK/Tatariya/D_32-3200.doc.

23. Воин Христов верный и истинный. Тайный епископ ИПЦ Михаил (Ершов). Жизнеописание, письма и документы / сост. И.В. Ильичев. М.: Братонез, 2011. 744 с.

CAVES IN CATACOMB MOVEMENT OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY OF THE DON AND THE VOLGA REGION IN 1920–1940S

© 2018

Stepkin Vitaliy Viktorovich, candidate of historical sciences, history teacher

Pavlovskaya Secondary School (Pavlovsk, Voronezh Region, Russian Federation)

Gunko Aleksey Aleksandrovich, head of Speleology and Kama Region Mining History Laboratory

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

(Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Abstract. The paper examines creation and application history of cave space in catacomb movement of the Russian Orthodox Church on the territory of the Don and the Volga Region in 1920–1940s. Development of cave digging on these territories was promoted by the fact of their frontier position, allowing searching for a «hiding place for the ideas, differing from the mainstream society». The caves use as shelters and places of worship in the Don Region is exemplified by the territory of Voronezh Region, where in the revolution period caves were dug in the chalk mass near the village of Karayashnik, and traditionally honored by the people loci of sacred space were used like caves in Divnogorye and on Shatrishche Mount. Caves near the village of Karayashnik were used as a place of worship by a conservative part of peasants being supporters of both the Patriarchal Church and the ‘Fedorovtsy’ sect. Caves in Divnogorye were used by Joanites sect, caves on Shatrishche Mount were used by so-called True Orthodox Church. In addition to the chalk caves in the Don Region people used underground of houses as secret places of worship. Examples of such undergrounds are hidden caves in the villages of Troitskoe and Novopokrovka, equipped by one of communities of so-called True Orthodox Christians. The paper considers caves use in the Volga Region through the example of the territory of the Republic of Tatarstan, where communities of the True Orthodox Church acted, creating cult undergrounds under houses in the town of Bugulma and villages of Akkireevo, Zabugorovka, Crym-Saray Naumovka and Novoe Ilmovo. Together with territories of personal farmsteads, caves were created outside villages, usually in a forest zone. For example, near the village of Novosheshminsk there was an underground monastery, near villages of Volchya Sloboda and Elantovo there were underground temples. Activities of the underground religious communities referred to in the paper were ceased due to state punitive measures.

Keywords: caves; Russian Orthodox Church; catacomb movement; True Orthodox Church; True-Orthodox Christians; ‘Buevtsy’ sect; ‘Fedorovtsy’ sect; Joanites sect; Don Region; Volga Region; frontier; village of Karayashnik; Divnogorye hole; Shatrishche hole; village of Volchya Sloboda; village of Elantovo; village of Novosheshminskoe.

УДК 323.28(470.56):93

Статья поступила в редакцию 25.12.2017

ИСПЫТАНИЕ ПРОИЗВОЛОМ: 1937–1938 ГОДЫ

© 2018

Федорова Алла Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии

Оренбургский государственный аграрный университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. Массовые политические репрессии 1920–1950-х годов имели для жизни общества и государства серьезные негативные последствия. Точной статистики политических репрессий в СССР не существует, хотя их масштабы чрезвычайно велики.

Статья посвящается не только жертвам репрессий, она ставит своей целью дать характеристику инициаторов, участников и исполнителей «операции по репрессированию». Именно в такой формулировке дан один из приказов НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г.

В статье рассматриваются события, связанные с репрессиями 1937–1938 гг. в Оренбургской области, где первые аресты начались во второй половине 1936 г. Автор показывает, как сложившаяся командно-административная система, чудовищный судебный произвол, создание внесудебных органов для осуществления репрессий, торжество бесправия, обстановка беззакония и многое другое привело к массовым трагедиям.

Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 1 (22)

201